

НАДЯ БОГДАНОВА ★ ЛИДА
ВАШКЕВИЧ ★ ВАЛЯ ЗЕНКИНА ★
ВАНЯ АНДРИАНОВ ★

Надя БОГДАНОВА

В те суровые годы, когда Надя была партизанской разведчицей, с ней случилось всякое. Многое, конечно, уже забылось. Но два эпизода из военной жизни Нади помнит каждый, кто находился с девочкой в одной партизанской бригаде.

Первый такой.

Накануне праздника Октябрьской революции, осенью сорок первого года, командование партизанской бригады решило вывесить в городе Витебске красные флаги. Там находился большой вражеский гарнизон, там фашисты держали в лагерях смерти советских военнопленных. И там же, в Витебске, гитлеровцы установили такие порядки, от которых каждый день гибли дети, женщины, старики. Ударить по врагу, обосновавшемуся в большом городе, партизаны ещё не могли: не хватало у них сил. Но красные флаги, вывешенные в городе в канун самого большого нашего праздника, могли сделать больше, чем взрыв или ночной налёт. Увидев флаги, люди в захваченном врагом городе воспрянули бы духом, поднялись бы на борьбу с фашистами.

Словом, на рассвете седьмого ноября...

В штабной землянке партизан командиры долго обсуждали каждую деталь предстоящей операции. Кто её выполнит? Это было «деталью» номер один. Гитлеровцы никого не подпускали к городу,

обыскивали каждого, кто к нему приближался. Даже обнюхивали людей. Если, например, шапка у него пахла дымом костров или порохом — расстреливали безо всякого: партизан!

Так кто же пойдёт в город?

Выбор пал на самого юного бойца — на Богданову Надежду.

Надя уже много раз пробиралась в самое логово врага. Наряжалась нищей и шла, забыв про страх, отдых, боль в натёртых до крови ногах. Надя может выручить! И пойдёт с ней Ваня. Ему тоже двенадцать лет. Ваня перебрался к «лесным солдатам» не так давно. Однако уже успел прославиться в отряде и даже открыл свой «боевой счёт»: подорвал самодельной миной немецкую штабную машину на большаке.

Надя и Иван. На них-то и была вся надежда. Немцы малолеток не останавливают. А задержат — ребята найдут, что ответить.

Попутно им предстояло разведать вражеские силы в городе.

В ту ноябрьскую пору было уже морозно и снежно.

Из леса на шоссе на дорогу Надю с Ваней подвёз на дрожках весёлый парень Микола.

Он наставлял:

— Ходить, браточки, тоже нужно умеючи. Ноги в коленках шибко-то не сгибайтесь: устанете быстро.

Ваня видел, как ходит партизан Микола. Километра два, наверно, мальчик ковылял точно на протезах — осваивал Миколу походку. Рассмешил только Надю. В конце концов Ванюшка махнул рукой и зашагал так, как хаживал всегда — легко и свободно.

Ребята шли бы ещё быстрее, если бы не тянули за собой санки, груженные мётлами. Мётлы — это выдумка командира Михаила Ивановича Дьячкова. Среди десятка одинаковых мётел лежат три, которые ребята не должны путать. В прутьях — красные полотнища. Они намотаны на черенки мётел. Совсем нетрудно превратить каждый из них в древко. Надя со своим попутчиком уже тренировались в партизанском лагере: развязывали мётлы, прикрепляли проволокой флаги на старых соснах. Им, разумеется, никто не мешал. В Витебске же могут и помешать...

До самого пригорода никто из пеших гитлеровцев или полицаев не попался на встречу. Но военных машин проходило много. Они не останавливались.

Вот и улицы города. Немецкие вывески на зданиях, немецкие флаги, немецкая речь. Перед разрушенной школой — крепко сколоченная виселица. На ней нет казнённых. Ветер раскачивает обрезки верёвок.

На улицах много гитлеровцев. Шагают выпятив грудь, вытягивая, как цапли, ноги. Надвинули каски на лбы. У многих на рукавах паучьи фашистские знаки.

Ванюшка, чувствуется, робеет с не привычки: он ещё никогда не видел сразу так много фашистов. И так близко от себя! Мальчик часто вздрагивает и при каждом подозрительном окрике хватается Надю за руку: «Пойдём отсюда!»

Надя, та бывала уже в захваченном гитлеровцами городе. Не так давно одна из его развалин была прибежищем для неё и ещё нескольких мальчишек и девочек, удравших с поезда. Он увозил могилёвских детдомовских ребят подальше от беды. А самые отчаянные на короткой остановке выпрыгнули из вагона. Им хотелось убежать на фронт, а очутились ребята во вражеском тылу. Витебск.

Здесь беглецы во главе с Надежкой думали даже взорвать немецкий склад. Нашли взрывчатку. Никто не знал, как с ней обращаться. Взрыв, как говорится, произвели. Только и сами погибли все. Кроме Нади. Случайно она осталась невредимой.

Пусть Ваня не беспокоится и не торопит её сворачивать с главной улицы. Надя знает, что делает. Подошли к кирпичному зданию ремесленного училища. Теперь в нём немецкая казарма. Надя долго поправляла мётлы на санках, хотя их и поправлять-то было нечего. Когда ребята тронулись дальше, девочка уже знала, как можно залезть на дощатый сарай, рядом с казармой, и как можно приспособить на здании флаг. В стене торчала железная скоба, в которую, очевидно, вставляли раньше древко.

— Тяни веселее, Ваня!

Ещё один высокий дом. Сохранилась даже вывеска, говорящая, что здесь была когда-то папиросная фабрика. И снова у Нади вынужденная остановка. Минут пятнадцать понадобилось ей, чтобы найти на полуразрушенной фабрике подходящее место для второго флага.

— Пошли, Ваня! — По дороге к железнодорожному вокзалу Надя сказала мальчику: им надо обязательно пошарить в здании, где делали папиросы. Наверно, можно насобирать табачку для партизан. Сидят без курева.

Третью остановку Надя захотела сделать около здания вокзала.

— Видишь? — шепнула Ванюшке. — Даже лестницу у стены кто-то оставил...

Теперь можно поворачивать и к базару.

Хоть народу на рынке толкалось и немало, шума — всего того, чем отличается любой базар — не было. Люди говорили вполголоса. Тайком предлагали один другому кусок чёрного мыла, пачку махорки, гимнастёрку с отпоротыми петлицами... К мётлам никто не прицелялся.

Ребят это не огорчало. Главное, дожждаться темноты.

Надя оставила Ваню в тележном ряду, а сама решила сходить на бывшую папиросную фабрику.

— Ты не волнуйся. Я быстро.

И верно. Надя обернулась туда и обратно за час, не больше. Даже по её глазам Ваня угадал: вернулась не с пустой торбой. Порадуется партизан Микола да и все курильщики!

Не думали тогда ребята, что табак-то их как раз и подведёт. С наступлением сумерок Надейка с Ваней двинулись с базара по намеченному для себя маршруту: вокзал, папиросная фабрика, ремесленное училище. К рассвету на каждом из этих зданий развеивался уже наш флаг. Ребята искололи, исцарапали руки, приспособив красные полотнища. Замёрзли, пока ждали «подходящего момента». И, конечно, переволновались.

Однако теперь уже все волнения и страхи были, кажется, позади. Так казалось, пока не вышли к дороге, ведущей в Городок.

Там ребят обогнала подвода. В ней сидели полицаи. Лошади остановились. Один из полицаев прыгнул с саней, приблизился к маленьким путникам.

— Кто такие? Откуда?

— Сироты мы, едва не заплакал Ваня. — Были в Витебске. Идём в Городок. Хлебушка, Христа ради, дяденька!..

Полицай пошарил в Надиной торбе, вынул узелок с табаком. Многозначительно ухмыльнулся.

— Мы вас подвезём... до Городка.

В Городке допрашивал сам начальник районной жандармерии. Из витебской жандармерии ему только что сообщили: в областном центре вывешены красные флаги. Задерживать каждого подозрительного! А «подозрительные» тёрли кулаками глаза и, притворно всхлипывая, клялись, что они не знают ни про какие флаги, что они шли к бабушке в Городок.

Полевая жандармерия. Немецкий офицер, к которому ввели арестованных, действовал по-своему.

— Партизаны! — закричал он и велел Наде стать лицом к стенке. Предупредил: — Буду считать до трёх. Не признаешься — застрелю.

И гитлеровец считал. И стрелял из пистолета. Пули дырявили стену чуть выше Надиной головы. Она молчала, только с каждым выстрелом вздрагивали её плечи.

После допроса — ночь в холодном подвале. На рассвете — крики немецких солдат. Ребятам велели выходить и становиться в толпу военнопленных.

Их повели за город.

У противотанкового рва расстреливали. Сначала пленных. Они перед смертью хотели хоть как-то защитить ребят, прикрыть их собой. Кричали палачам:

— Пожалейте детей! — И тут же падали, сражённые пулями, в ров. Упал и Ваня.

В голове у Нади помутилось. Глаза уже ничего не видели. Она почувствовала, что проваливается в какую-то чёрную бездонную пропасть.

Очнулась во рву, среди убитых. Выкарабкалась наверх и по снежному полю побрела в сторону леса. Ноги ступали слабо, словно чужие. Падала. Ползла. Поднималась на ноги и снова падала.

— Она живая, братцы! — услышала над собой чей-то голос. Партизанский пост набрёл на полуживую девочку.

Она сумела всё же проговорить:

— В штаб меня. В штаб!

После того, что случилось в Городке, Надя долго не могла понять, как это она всё вынесла и осталась жива. Не хотелось ей рассказывать в отряде ни о чём. Боялась, что командиры не пустят её теперь ни в разведку, ни на другое задание. Девочка же понимала, видела, как переживают за неё и командир дядя Миша, и Иван Степанович, начальник штаба, и комиссар Волков — все. Только разве от них что-либо утаишь? Да и как умолчать было Наде о том, что увидела она во вражеском гарнизоне? Наших военнопленных расстреливают сотнями. Огромный ров, за Городком, доверху завален их трупами. Там лежит и Ванюша.

Вспоминая о Ване, Надейка уже не могла сдержать слёз. Плакала, как толь-

ко и могут плакать двенадцатилетние девочки.

— Пусть выплачет свою беду-горе, — говорили лесные бойцы. — Полегчает ей немного.

Но ни дядя Миша, ни Иван Степанович не хотели видеть разведчицу в слезах.

Совсем ты у нас раскисла, — журили они Надю. — Как же мы тебя в разведку с таким настроением пошлём?

Им поддакивал сам начальник разведки Слесаренко:

— Да, да. Нос вешать не годится. За Ванюшку нашего мы немцам скоро отплатим. Помяни моё словом...

Надя крепилась. Редко кто видел уже слёзы на её лице. На лесной поляне вместе со взрослыми девочка училась стрелять по мишеням и кидать гранаты в «предполагаемого противника». Там же, на поляне, она давала партизанскую клятву, присягала на верность своему народу.

Всё бы хорошо, а боевых заданий командование Наде долго не давало. У командиров находилось множество отговорок, чтобы не пускать юную партизанку далеко от своего «лесограда».

Дошло до того, что Надейка сама явилась к Михаилу Ивановичу Дьячкову в штабную землянку и предупредила:

— Дядя Миша! Товарищ командир! Если вы меня не будете пускать на задания, я сама». Вот увидите! Не могу я так! Я же клятву давала!..

Командир знал Надин характер: девочка она отчаянная! С автоматом не расстанется, гранаты у неё за поясом. Оружие у девочки не отберёшь. Она, и правда, равноправный боец. Присягала вместе со всеми — «не останавливаться ни перед чем, всегда и везде смело, решительно, дерзко и беспощадно уничтожать фашистских оккупантов».

— Ну, вот что... товарищ Богданова. — Командир посмотрел на девочку так, как может смотреть только отец. Но голос у Михаила Ивановича был командирский, строгий. — Вот что... За самовольство тебя... никто не похвалит. Если я узнаю, что Надежда Богданова без разрешения ушла из расположения отряда, то скажу: «Это не та Богданова. Не наша! Наша — боец дисциплинированный...»

Чувствуя, что партизанка Богданова вот-вот разревётся, дядя Миша поспешил её утешить:

— Немного уж осталось тебе ждать. Дня через три... собирайся в дорогу.

Командир не обманул: на третий день после разговора с ним Богданову позвали в штабную землянку.

Там уже было всё командование. Начальник разведки Слесаренко, которого Надя называла дядей Ферапонтом, шагнул девочке навстречу:

— Решено и подписано, — улыбаясь сказал он. — Идём с тобой вдвоём, Надейка. Балбеки... Знакома тебе такая деревенька?

Надя уже знала, Балбеки — никакая не деревенька, а большое село. Немцы превратили его в свою крепость: понаставили огневых точек, врыли в землю танки, заминировали дороги...

По пути в Балбеки дядя Ферапонт объяснил Наде задачу: «Осторожно проникнуть в село и очень точно установить, где у немцев замаскированы пушки, пуле-

мёты, где расставлены часовые, с какой стороны сподручнее ударить по врагу».

Стоял хороший морозный денёк. Морозец сошёлся с тёплыми солнечными лучами и везде посадил иней. Иней был даже у Надейки на ресницах, отчего они стали похожи на белые шерстинки. Такая вот, заиндевелая, маленькая девочка и предстала перед немецким часовым у околицы села. Нищенская торба была у неё за плечами...

Немец не стал даже останавливать побирушку. Мало ли их ходит, осиротевших, бездомных?

Слесаренко пришлось помёрзнуть в ельнике, недалеко от Балбеков, пока Надя обошла деревенские хаты, собирала подаяние. Если где-то девочке ничего не подавали, она особенно и не огорчалась. Легче будет котомка. С ней нужно обойти всё село и всё увидеть, запомнить.

Смеркалось, когда Надя возвращалась на то место, где оставила она дядю

Ферапонта. Теперь её встретили в частом ельнике и командир отряда, и начальник штаба. Чуть ли не весь отряд, прикрываясь темнотой, подвинулся к самым Балбекам.

Партизаны ждали разведчицу. Что она сообщит?

Надя вернулась вовремя.

— Я знаю, с какой стороны лучше. Ночью... Самое опасное — пулемёты на горке...

До ночи у Нади было ещё много времени, чтобы рассказать о своей разведке.

Партизанский отряд ударил по фашистам с обоих концов села: пулемётные очереди рассыпались там и тут. Было слышно, как секли пули воздух. Он дрожал, разрывался от выстрелов. И всё равно было слышно, как орали ошалелые гитлеровцы. Партизаны «выковыривали» их из хат. Гитлеровцы выскакивали в нижнем белье, удирали, по-воровски пригибаясь, прячась за сугробами. Только их всё равно догоняли партизанские пули.

Надя впервые видела ночной бой. впервые сама участвовала в нём. Правда, Слесаренко не отпускал её от себя ни на минуту. Вместе они лежали за углом хаты, стреляя по фашистам. Вместе бежали на ту горку, откуда бил, не умолкая, вражеский пулемёт. И даже гранаты кинули в одно и то же время. После взрывов пулемёт уже не стрелял. Но и Надиному товарищу дяде Ферапонту уже трудно было подняться с земли: осколком или пулей угодило в левую руку.

Перевязывая Слесаренко руку, Надя видела, как взмыла в небо зелёная ракета — сигнал отходить в лес. На мгновение кипящим огнём шар выхватил чёрную стену леса и дорогу, ведущую туда. По ней, как и было условлено, отходили партизаны.

— Дядя Ферапонт! — Надя тормозила начальника разведки. — Надо уходить!.. Вставайте! Обопритесь на меня!

До леса Надя и раненый доползли, когда партизан там уже не было. Но дорога в лагерь была известна обоим.

Ветви елей хлестали по лицу, корни цеплялись за ноги, а девочка с начальником разведки всё шли и шли.

Ступать по заснеженному лесу становилось всё труднее и труднее.

Слесаренко окончательно выбился из сил: потерял много крови. Провалившись в снежную яму, раненый уже не мог сам из неё выбраться. Да и Надя уже обессилела.

— Оставь меня, слышишь? — прошептал Слесаренко. — Мы погибнем так... оба. Ты должна идти, Надя. Позовёшь наших. Запомни только это место...

Надя поднатужилась и помогла выбраться партизану из западни.

Он просил:

— Иди, Надя. Так будет лучше. — И уже командирским голосом: — Тебе приказывает начальник разведки!

Надя наломала еловых лапок, устроила дяде Ферапонту постель.

— Вы только не усните, а то замёрзнете, — предупредила Надя. — Мы будем вас кричать. Я скоро приду сюда...

...Холодное ночное поле. Впереди в лунном свете сверкнул на миг белыми стволами берёз перелесок и мигом погас. Прямоком по полю Надя шла к перелеску. Налетел ветер, девочке показалось, что под его напором деревья отодвинулись куда-то вдаль.

Надя падала, но тут же поднималась и шла, шла, шла...

Д о партизанского лагеря оставалось километров семь, когда девочка набрела на лесной хутор.

В одной хате горел яркий свет. Возле крыльца топталась пара запряжённых в дровни коней.

Подкравшись к окну, Надя заглянула в хату. Там за столом ужинала целая ватага полицейских.

Заслышав конский топот, полицейсы высыпали на крыльцо. Их кони были уже далеко, у самого бора.

Надейка погоняла разгорячённых коней по полю, по лесной просеке.

Лес внезапно обрывался и через две три сотни метров снова вставал стеной. И тогда Наде казалось: не она с конями приближается к бору, а он сам наступает, стремительно несётся навстречу.

В чаще можно было ехать только шагом. Удивительно, как это кони с санями не застряли в каком-нибудь буреломе!

Начальника разведки Надя нашла на том же месте, где оставила. Она помогла ему вскарабкаться в сани.

— Погоняй, Надюша! Родная ты моя... — поговаривал дядя Ферапонт, с благодарностью поглядывая на девочку.

Была ещё трудная дорога через лес. И настоящая, раскатанная — через поле.

У выхода «партизанской тропы» из бора девочку и раненого партизана окликнули:

— Стой! Куда вас несёт?!

Слесаренко узнал голос своего друга, дозорного партизана.

Надя остановила коней. Друзья стояли обнявшись и молчали. Не верилось, что встретили друг друга снова.

— А ты шла бы ко мне на руки, девочка, — предложил Наде незнакомый ей дозорный.

— Это, Николай, партизанка! — сказал другу начальник разведки. — Партизанка Богданова... Надежда Александровна. Прошу любить!

Наде Богдановой удалось бы совершить немало ещё боевых подвигов, если бы она подольше побыла в отряде партизан. Вышло, однако, так, что в ту же зиму сорок второго года юная разведчица стала с боевыми товарищами.

Надя вместе с партизанами-подрывниками ставила мины на железной дороге и шоссе. Когда девочка, сделав своё дело, отходила к лесу, её встретили полицаи. Стали обыскивать и нашли в торбочке куски тола, взрывчатого вещества. Надя уже не раз обманывала и полицаев, и гитлеровцев. В тот раз тоже хотела вы-

крутиться, прикинувшись нищенкой. Да прямо на глазах у полицейских в это время взлетел на воздух железнодорожный мост — сработала поставленная ею мина.

Полиции сразу догадались, чья это работа. Они бросились избивать девочку, связали ей руки и уложили в сани.

Когда партизаны, Надины товарищи, спохватились и стали искать девочку, она была уже далеко от места взрыва. Её увезли полицаи, увезли в гестапо на допрос. Пытали фашисты долго и жестоко.

Ей выжгли на спине пятиконечную звезду. Её обливали на морозе ледяной водой, бросали на раскалённую плиту».

Надя, стиснув до крови губы, молчала... Она выдержала все пытки и не выдала партизанскую тайну.

Не добившись от девочки признания, гестаповцы приняли решение — расстрелять партизанку. Надю бросили в сарай и заперли там до утра вместе с другими арестованными.

Ночью Наде удалось выбраться из сарая. Собрав последние силы, она поползла в сторону леса, надеясь добраться до своих...

Надю нашли в сугробе партизаны, отправившиеся к ней на выручку. Принесли на руках в село Заналючки, где разместился отряд. Партизаны должны были тогда покинуть свою стоянку. Надя была так больна, так изувечена, что в дальнюю дорогу брать её партизаны не рискнули. Оставили на попечение крестьянок из Заналючек. Они выходили, вылечили девочку, и всё же воевать ей было уже нельзя: совсем ослабло зрение.

После войны Надя Богданова пролежала несколько лет в госпитале. Там ей сделали операцию, и она стала хорошо видеть.

Надежда Александровна Богданова за свои боевые дела награждена орденом Боевого Красного Знамени.

Имя юной героини — пионерки Нади Богдановой — занесено в Книгу почёта Бепорусской республиканской пионерской организации имени В. И. Ленина.

Лида ВАШКЕВИЧ

Торопливо шагает мужчина, держа за руку девочку. Они идут по улице города Гродно.

Всего несколько месяцев назад эта улица называлась Советской, теперь на углу улицы прибита дощечка-указатель. Название улицы написано на немецком языке...

Город оккупирован фашистами. То там, то здесь появляются немецкие патрули с автоматами. «Только бы не остановили... Только бы пройти...»

— Патруль! Сюда! Здесь проходной двор!

Они мгновенно скрываются за ворота дома, проходят двором и осторожно выходят на другую улицу. Здесь тихо.

Переходя от дома к дому, скрываясь в подъездах, они, наконец, выходят на окраину города. Вот тропинка. Она ведёт к кустарнику, за которым виднеется лес. — Вот ваша дорога, дядя Коля.

— Лида, не страшно?

— Нет. Я ведь не маленькая. Смотрите...

Лида быстро достаёт из-за пазухи пионерский галстук. Чем-то светлым, тёплым, довоенным повеяло от этого простенького красного треугольника.

Николай Рачковский, партизанский связной, берёт девочку за худенькие плечи и крепко целует. — Смелая ты, —

говорит он ей. — Вся в папку своего. Ну, бывай, Лидок! Спасибо, что проводила. Скоро увидимся.

Лида ещё долго выходит то на одну улицу, то на другую, пока не появляется у своего дома.

Отец открывает ей дверь.

— Ну как, дочка?

— Всё хорошо. Дошли, — отвечает она.

С того дня, как только Гродно заняли немецкие войска, отец Лиды Вашкевич стал одним из руководителей гродненского коммунистического подполья. И девочка выполняла поручения отца.

На квартиру Вашкевич приходили незнакомые люди. Они являлись ночью, и отец о чём-то подолгу с ними разговаривал.

В это время Лида дежурила у подъезда. Она посматривала на улицу: не идёт ли кто из подозрительных к их дому, не появились ли полицаи, не слышно ли топота патрулей на соседней улице... Если хоть малейшая опасность — надо срочно предупредить отца!

Изредка раздавались где-то в стороне одиночные выстрелы из автоматов — патрули стреляли на подозрительный шорох, шум.

Но вот осторожный стук в дверь: «На улице никого. Можно выходить!»

Скоро Лида уже знала, что приходящие к отцу незнакомые ей люди — связанные подпольных групп. Они получали нужные сведения и задания.

Как-то после одного из таких совещаний отец подозвал Лиду и сказал ей:

— Дочка! Вот тебе деньги. Надо купить в магазинах белую бумагу. Вечером дядя Коля заберёт её. Будь осторожна. Смотри, чтобы никто не заподозрил тебя.

Утром, как-то только открылись магазины, Лида начала выполнять поручение отца.

Она заходила то в один, то в другой магазин и брала по несколько листов бумаги.

К вечеру у неё уже собралась большая пачка. Пришёл Николай Рачковский и забрал бумагу.

А через несколько дней в городе появились листовки со сводкой Советского информбюро.

Бумаги требовалось всё больше и больше.

Лида снова пошла по магазинам.

В одном магазине, как ей показалось, на неё подозрительно посмотрел продавец. «Неужели догадывается?» — подумала она и, не подавая вида, что она взволнована этим предположением, как ни в чём не бывало вышла из магазина.

В другой магазин она не пошла. Вечером Лида рассказала о своих опасениях отцу.

Отец задумался.

— Папа, а что если я поговорю с нашими ребятами и девочками из школы. Ведь многие не успели уехать. Они помо-

гут покупать бумагу, и никто ни о чём не догадается...

На другой день Лида обошла всех, кто остался в городе, и попросила каждого купить в магазине несколько листов бумаги.

Когда она снова обошла всех своих одноклассников, кто покупал бумагу, то, к её радости, собралась довольно большая пачка бумаги — больше, чем она могла купить одна.

Забирая бумагу, дядя Коля похвалил всех ребят и попросил только быть осторожными.

Кое-кто из ребят догадывался, для каких целей нужна бумага, и они были рады, что помогают подпольщикам.

Листовок в городе появлялось всё больше и больше. Подпольщики призывали советских граждан не поддаваться немецким властям, не верить фашистской пропаганде.

В листовках рассказывалось об успехах советских войск под Москвой и Сталинградом.

Люди украдкой читали их и верили, что немецких оккупантов уничтожат и город Гродно будет освобождён, как и многие временно оккупированные советские города.

Полиции бегали от дома к дому, от забора к забору и срывали листовки.

Фашисты искали подпольную типографию.

Они врывались в дома, обыскивали квартиры, подвалы и, ничего не обнаружив, арестовывали ни в чём не повинных людей.

Начались облавы. Выходить на улицу стало опасно. В облаву могли попасть связанные подпольных групп. Надо всех предупредить.

И Лида, рискуя жизнью, обошла все явочные квартиры в городе и уже после этого побывала на условленных местах встреч за городом.

Гитлеровские власти были в недоумении: откуда подпольщики достают бумагу?

По распоряжению коменданта города всю бумагу было приказано сдать в один магазин. Гитлеровцы надеялись, что таким образом им удастся выследить, кто же берёт бумагу и передаёт подпольщикам.

Ребята и здесь перехитрили немцев.

Лида разработала план.

Перед открытием магазина ребята собирались в соседних дворах и устраивали игры. Они носились из двора во двор, гоняли мячи, играли в «классики», в палочки-выручалочки...

Вот открыли магазин, и ребята как ни в чём не бывало забежали в него, и каждый покупал что-нибудь: ластик, карандаш, кисточку, краски, чернила и обязательно по несколько листов белой бумаги.

К вечеру вся бумага приносилась к кому-нибудь из ребят, каждый раз на новое место, а потом Лида относила бумагу в условленное место, где её встречал кто-нибудь из связных подпольщиков.

Поезд ползёт очень медленно. На каждой остановке в вагоны заходят эсэсовцы, проверяют документы.

— Скидель, — называет проводник станцию, и Лида выпрыгивает из вагона.

Вот она уже в городе. У старенькой бабушки спросила, где находится базар, и быстро пошла туда.

На базарелюдно. Но и здесь шныряют полицаи. В самом конце базара Лида заметила мужчину в кожане, подпоясанном верёвкой. Он стоял около телеги и курил самокрутку. Но сразу подойти не осмелилась.

Издалека оглядела телегу. Так и есть — он: на дуге колокольчик и рядом — цветочек из обыкновенной красной бумаги. Лида обошла телегу и приблизилась к человеку.

— Овёс есть у вас? — тихо спросила девочка.

Человек в кожане удивлённо посмотрел на незнакомую девочку-подростка в кожаной курточке и пуховой шапочке, помедлил, затем уже ответил:

— Нет, торгую только пшеницей.

Лида подошла к возу и, перебирая пальцами пшеницу в мешке, тихо сказала:

— Дядя Коля просил передать, чтобы скорее привезли муку и соль. У них сейчас трудно с продуктами.

— Во вторник пусть ждут там, где условились, — оживлённо ответил незнакомец. — Раньше не могли: фашисты охрану усилили.

— Хорошо, передам.

Откуда эти продукты, кто должен привезти, куда — Лиде не знала, да и знать ей было не обязательно.

Она сделала своё дело и возвращалась назад в Гродно довольная — партизаны своевременно получают нужные им продукты.

Пробраться за Неман было нелегко. Мост контролировали немцы и полицаи. А пробраться нужно было обязательно. Сегодня, именно сегодня, необходимо

принести в условленное место взрывчатку. Её заберут потом партизаны-подпольщики и сегодня же выведут из строя трансформатор и тем самым лишат оккупированный фашистами город электроэнергии.

...Медленно идёт Лида вдоль Немана, сгибается под тяжёлой ношей. За спиной большая чёрная сумка с углём, а под ним лежит взрывчатка.

Вот и мост. По обеим сторонам стоят охранники. Когда Лида подошла ближе, полицай, казалось, её не заметил. Может, удастся проскочить? Но как только почувствовала под ногами настил из досок, её окликнули:

— Куда спешишь, девочка?

— Домой. Вот там наша хата, у самого обрыва.

— А в сумке что?

— Угля насобирала в городе, — жалобным голоском протянула девочка. — Дров нет, нужно хоть углём печь протопить. Вот посмотрите, — и она смело раскрыла сумку.

А сердце так и билось. Полицай посмотрел в сумку и сказал:

— Давай проваливай.

Лида быстро нашла условленное место: сразу же за садом четвёртый телеграфный столб, возле которого лежит небольшая куча гнилого картофеля. Села, будто отдохнуть, достала взрывчатку и быстро сунула её под картофельник.

Возвратилась Лида домой только к вечеру.

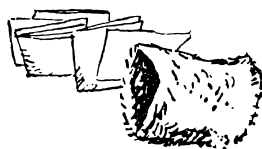
А поздним вечером мощный взрыв потряс окрестность, и в городе погас свет...

В Гродненском историко-краеведческом музее есть фотография Лиды Вашкевич. Здесь же находится и её пионерский галстук. С ним пионерка не расставалась даже тогда, когда шла на боевые задания. Под стеклом — чёрная сумка, в которой Лида носила партизанам оружие, взрывчатку, бумагу для листовок. Рядом — справка, выданная комиссаром партизанского отряда имени Матросова товарищем Писаревым на

имя Лидии Вашкевич. В ней говорится, что эта мужественная и смелая девочка, рискуя жизнью, помогала партизанам.

Юная связная пионерка Лида Вашкевич была награждена медалями: «Партизану Великой Отечественной войны I-й степени» и «XX лет победы над фашистской Германией».

Валя ЗЕНКИНА

Четыре часа утра 22 июня 1941 года.

Шквал огня обрушился на Брестскую крепость.

— Гроза!..— ещё не соображая, крикнула Валя, соскочила с постели и бросилась закрывать окно. Подбежала и увидела— стёкол в раме не было.

Небо полыхало огнём.

Мать трясущимися руками пыталась задвинуть заслонку в печи.

С потолка лилась вода.

Было слышно, как хлещет вода и на лестнице, откуда-то сверху, со стороны водонапорной башни...

— Что это, папа? Что? — перехваченным от испуга голосом прошептала Валя.

Отец, лихорадочно одеваясь, коротко бросил:

— Бомбят. Война, дочка!

И уже у двери, обернувшись, твёрдо сказал:

— Да, это война!..

Мать, бледная, прижимая руки к груди, так и застыла на месте.

— Что же нам делать, отец?

— Быстро одеваться и — вниз, в убежище! Здесь опасно. А я — в полк!

Мать засуетилась, не зная, что собрать отцу с собой...

Валя бросилась ей помогать...

Отец громко, почти приказывая, крикнул:

— В бомбоубежище! Скорей!

Мать бросилась к нему.

— Ну, ну... собирайтесь. И мне пора.

Он хотел ещё что-то добавить, но его уже звали с улицы.

Отец торопливо погладил Валью по голове, как-то неловко обнял жену и выскок на улицу.

То там, то тут рвались бомбы, взметая к небу чёрные столбы земли.

Горели казармы, клуб, сарай.

Вражеский снаряд попал в склад боеприпасов, и там не переставая рвались снаряды, разбрасывая вокруг тысячи смертоносных осколков.

По двору метались полураздетые люди.

Бежать через двор в бомбоубежище было опасно, и мать с дочерью укрылись в небольшом строении возле электростанции.

Вместе с ними там спрятались и их соседи по дому.

В городе шёл бой.

Прижавшись к поленице дров, женщины и дети сквозь сорвавшуюся взрывом дверь видели то, что происходило на улице.

Видели, как под натиском врага отступили пограничники, и в проёме двери замелькали чёрные мундиры немцев.

Вот они ворвались в укрытие. На минутку замешкались в полумраке. Потом кто-то наугад бросил гранату.

Раздался взрыв.

Истошно закричала женщина, заплакали дети.

Валя в ужасе закрыла глаза и припала к дровам, крепко сжимая своей рукой руку матери. Почувствовала, что кто-то грубо толкает её в спину. Обернулась и увидела прямо перед собой зловещее дуло автомата.

— Рус, быстро! — немец кивнул в сторону двери.

Понурившись, прижимая к себе вздрагивающих ребятишек, выходили на улицу женщины. Щурились от яркого света.

Их выгнали на берег реки Мухавец.

Было около полудня.

Нестерпимо палило солнце.

Мучительно хотелось пить.

Тут же, на берегу, лежали и сидели захваченные в плен раненые красноармейцы.

Вдруг совсем близко защёлкали выстрелы, засвистели пули.

Кто-то стрелял по охране.

Толпа пленных на берегу зашевелилась, подалась к деревьям, ища укрытия.

Загорланили немцы, раздавая вправо и влево пинки.

Выстрелы быстро стихли.

Там, в крепости, увидели детей и женщин и прекратили огонь.

— Стреляйте! Чего стали? — приподнявшись закричал один раненый. — Всё равно они нас перебьют. Слышите? Стреляйте!..

К нему подбежал гитлеровец и, что-то приговаривая, стал избивать.

Раненый вздрагивал под ударами и глухо стонал.

Злость и ненависть к врагу охватили вдруг Валю.

Минута — и она уже около фашиста.

Повисла на его руке, крича:

— Не смей! Не смей бить!..

Удар оглушил её.

Очнувшись, Валя почувствовала, что кто-то тихонько гладит её по голове. Открыла глаза: над ней склонилась мама.

Девочка попыталась встать. В голове шумело.

— Эй, девочка, — окликнули её. Она обернулась на зов. Немецкий офицер поманил её пальцем. Валя подошла. Вопросительно взглянула на него.

— Ты идёшь в крепость, — медленно, подбирая и коверкая русские слова, произнёс офицер. — И предлагай русский командование сдаться. Не-мед-лен-но. — Он немного помочал. — Или смерть, — закончил он. — Понял?

Валя кивнула.

Её посылали передать в крепость ультиматум.

— Я пойду вместе с мамой, — сказала она офицеру.

— С мамой? — морща лоб и силясь понять, переспросил он. — Вас ист дас «с мамой»?

— Ну с мамой, — повторила Валя, показывая в сторону матери. — Вместе, значит. Вдвоём.

Фашист понял. Лицо его приняло холодное и жесткое выражение.

— Найн, — отрезал он. — Нет. Матка оставайся здесь. Ты один.

В сопровождении солдата знакомым путём Валя прошла обратно к электростанции.

Подведя к двери, немец втолкнул её во двор цитадели.

От резкого толчка Валя пробежала согнувшись несколько шагов, но удержалась и не упала. Выпрямившись, она медленно пошла по двору. В голове мелькнула мысль: «Сейчас убьют. Это они нарочно сказали «иди, чтобы пустить пулю в спину. Это всегда так».

Но за спиной было тихо.

Тихо было и во дворе.

Горели, потрескивая, дома, дымились развалины.

Вся площадь была усеяна убитыми, и приходилось идти осторожно, чтобы не споткнуться.

Неожиданно где-то очень близко затрещал пулемёт. «Это из костёла, — определила девочка. — Есть ещё живые», — повеселела она и бросилась на зов пулемёта.

Вторая очередь заставила её лечь на землю. «Нет,— подумала Валя,— наши так шутить не будут». Она осторожно осмотрелась и короткими перебежками, поминутно залегая, устремилась к развалинам погранкомендатуры.

Хлоп. Опять выстрел. И крики:

— Валя! Сюда! Сюда, живей!

— Осторожно!

И снова пулемётная очередь из костёла.

В кровь содраны локти, колени. Но вот и конец пути. У окна её подхватили на руки, втянули внутрь. Поставили на пол. А она стоять не может: ноги подкашиваются.

Села на стул и смотрит. Вокруг все свои, родные.

От волнения перехватило горло. Ни слова сказать не может. И на неё смотрят. И молчат.— Ты что же— это разгуливаешь в такое время по крепости? — прервал молчание старший лейтенант Потапов.— И одна? Мать-то где?

Торопливо и сбивчиво Валя рассказала всё, что произошло с ней, её мамой и всеми остальными. Когда дошла до немецкого поручения, на мгновение замялась.

— Ультиматум немцы вам предъявляют,— опутив голову, тихо проговорила она.— Просили передать: или плен, или смерть.

— Ультиматум, говоришь,— полудивлённо, полунасмешливо повторил Потапов.— Как, товарищи,— обратился он к бойцам,— будем сдаваться в плен?

Зашумели, задвигались бойцы, заговорили, перебивая друг друга.

— Мы им покажем плен.

— Такого перцу на хвост насыплем.

— Ишь чего выдумал фашист — плен.

До последнего будем драться, умрём, а врагу не сдадимся.

— Вот-вот, и я говорю: не сдавайтесь,— заволновалась Валя.— Они убьют. Это точно. Они всех убивают... просто невозможно,— вдруг всхлипнула она и уткнулась головой в колени.

— Ну, ну, дочка, успокойся,— ласково потрепал её по спине Потапов.—

Пойдём-ка со мной. Потолкуем. Посторонитесь, товарищи!

Бойцы расступились, пропуская командира и девочку.

В подвале стоял полумрак, тянуло сыростью.

Слабый огонёк коптилки освещал группу людей. Лица их были измучены, покрыты копотью, одежда разорвана. Многие перевязаны. Кто-то вполголоса вёл счёт убитым и раненым.

Валя и Потапов подошли к столу. Им освободили место.

Какой-то военный пристально смотрел на неё. «Да ведь это Нюрин отец, лейтенант Кижеватов», — подумала девочка.

— А я вас не узнала,— смутившись, сказала Валя.

— Ничего,— проговорил лейтенант.— долго жить буду. Примета такая.

Потапов что-то объяснял окружающим его военным.

— Надо спросить у неё,— сказал один из них.

— Валя,— обернулся к ней Потапов,— постарайся-ка вспомнить всё, что ты там видела. Сколько немцев у Мухавца? Как вооружены?

Валя напрягла память. «Вот если бы заранее знать, о чём здесь спросят, всё бы высмотрела».

Но и то, что случайно зацепила память девочки, пригодилось защитникам крепости.

— Всё? — спросил её Потапов, когда она замолчала.

— Кажется, всё.

— Молодец. Теперь вот что,— он внимательно посмотрел ей в глаза.— Если пойдёшь назад,— тихо проговорил Потапов,— запомни крепко: о том, что видела и слышала здесь, ни слова. Поняла? Забудь всё накрепко.

— Назад я не пойду! — Валя мотнула головой.— Здесь останусь. С вами...

— Пстой, не торопись,— вмешался лейтенант Кижеватов,— может, и лучше... вернуться...

«Мама! У немцев мама! Вернуться?...»

Валя вспомнила, что говорил немецкий офицер. Маму он не пустил. Оставил

там, чтобы вернулась она, Валя. «Как поступить? Был бы рядом папа, он бы сказал, как поступить...»

Валя умоляюще посмотрела на Кижеватова.

— Ну, если ты так решила, — начал он, но не договорил — вбежал запыхавшийся боец.

— Товарищ старший лейтенант, — обратился он к Потапову, — немцы!

Все пришли в движение.

— Быстро наверх! — уже на бегу командовал Потапов.

Схватив оружие, за ним бросился Кижеватов.

— Да, — спохватился он, останавливаясь и обращаясь к одному из бойцов, — девочку отведите в лазарет...

— Господи, Валя, — всплеснула руками Екатерина Ивановна Кижеватова. — Нюра, — позвала она дочь, — смотри, кто здесь.

— Валечка, — зашепила к ней подружка. — Живая!

Екатерина Ивановна осторожно ощупывала Валю.

— Не ранена?

— Да нет же, тётя Катя, — освобождаясь от её рук, ответила Валя. — Всё цело. Вот только поцарапалась здорово, пока к вам ползла... Немцы опять атакуют. Глухо ухали взрывы. Вздрагивала под ударами земля.

— Да, — вздохнула Екатерина Ивановна, — тяжело там сейчас. — Тётя Катя, — начала было Валя, но не успела спросить...

— Раненых принимайте, женщины! — послышался хриплый голос санитаря.

Сверху несли и несли раненых. Раненые стонали. Их ещё не успели перевязать. Кровью были забрызганы гимнастёрки, носилки.

Валя глядела на раненых, и ей стало не по себе, закружилась голова, она побледнела...

— Валя, — откуда-то издали дошёл до неё голос Екатерины Ивановны, — иди сюда.

Преодолея слабость, она пошла.

— Помоги.

Вдвоём они осторожно сняли с носилок раненого. Взглянув на него, Валя испугалась: глаза мутные, на лбу выступил пот... Раненый стонал, закусив губу от боли.

— Надо скорее врача, — заторопила она Кижеватову.

— Нет его, — ответила Екатерина Ивановна, продолжая расстёгивать на раненом гимнастёрку. — Ещё в пятницу уехал на полигон. Так что, — добавила она, распрямляясь, — все мы тут врачи. Ну-ка, поддержи.

Они осторожно раздели раненого.

— Смотри, как надо, — говорила Екатерина Ивановна, бинтуя его. — Учись.

Валя перехватывала бинт. Руки тряслись. Стараясь не обращать внимания на кровь, на стон раненого, Валя осторожно бинтовала... Она освоилась быстро и уже сама, без помощи старших, перевязывала бойцов, приговаривала, подражая тёте Кате:

— Потерпи немного, родной. Сейчас будет полегче. Потерпи...

Раненые послушно затихали, отдавая себя во власть маленькой санитарки.

В тесном узком отсеке подвала не уходил от радиции радист. Оттуда доносился слабый писк и потрескивание. То и дело прорывалась лающая немецкая речь. Казалось, что фашисты заполнили весь эфир.

Радист вполголоса чертыхался. Время от времени к нему прибегал из штаба связной и задавал один и тот же вопрос: «Что нового?» Радист неопределённо пожимал плечами, и боец так же торопливо убегал назад.

Крепость настойчиво искала связи с внешним миром. Что происходит? Сколько ещё надо продержаться до прихода помощи? Эти вопросы мучили всех. Но связаться с советскими войсками по ту сторону крепости не удавалось.

Намаявшись, Валя бессильно опустилась возле Нюры. Давно хотелось пить. От жары язык распух, и говорить было трудно. Девочка прислонилась к стене. Влажная стена приятно холодила затылок.

— Когда только всё это кончится, а Нюра?

— Не знаю, — тихо ответила та. — Отец говорит, вот-вот подойдут наши. Будем биться до последнего...

«Отец! Где он? А мама! Что с ней? Живы ли?»

— Нюра, — Валя помедлила с вопросом, — о моём отце что-нибудь слышала?

— Н-нет, — протянула подружка.

И они замолчали.

«Он, наверное, сражается где-то там, со всеми, — подумала Валя. — Где?»

— Послушай, — перебила её мысли Нюра. — Здесь наши мальчишки. И Коля Новиков, и Котельников Петро.

— Ну да, — восторгалась Валя. — Что они?

— Вернулись из разведки, — многозначительно сказала Нюра.

Валя посмотрела на подружку. «Мальчишки, они, конечно, не усидят на месте. Ищи их в самой гуще боя», — подумала она про себя.

— Знаешь, — снова начала Нюра, — они молодцы. Коля и ещё там ребята из музвзвода сами вызвались разведать Тереспольскую башню. Бойцы туда никак не могли пробраться. А они говорят: «Разрешите нам. Уж мы дойдём». И дошли. Да ещё склад с оружием обнаружили...

— Постой-ка, — остановила её за руку Валя, — возле радиции что-то произошло.

— Пошли!

Радиста плотным кольцом окружили люди.

Девочки подобрались поближе. Еле еле доносился голос диктора.

Долетели обрывчатые фразы: «Вероломный враг напал на нашу Родину... Грудью на защиту родной Отчизны!..»

— Принимай гостинцы! — в окружении мальчишек появился сержант Бугаков.

Они ходили искать медикаменты и только вернулись, чумазые, усталые, в разорванной одежде. Гимнастёрка на груди Бугакова оттопырилась. В руках у Коли Новикова невесть откуда взявшийся рулон яркого ситца.

— Тише! — зашикали на них.

Опять в приёмнике что-то затрещало, и голос диктора пропал.

— Всё, — сказал радист. — Батарейки сели.

— Ты покрути-ка ещё, а? — просили радиста.

Он махнул рукой:

— Ничего не получится больше! Пойду доложу командиру, — и он заторопился к выходу.

— Ну что там? — к ребятам уже подходили женщины. — У далось что-нибудь найти?

— А как же, — удовлетворённо улыбались те. — Вот. Пожалуйста. Подкрепляйтесь.

Младший сержант расстегнул ремень и высыпал на стол шоколадные конфеты.

— Вот и материя вам. Приоденьтесь, — Коля Новиков положил рулон ситца.

— А лекарство, ребята, бинты... Ну что-нибудь? — спрашивала с надеждой в голосе Екатерина Ивановна?

— Нету лекарств, тётя Катя, — виновато, словно оправдываясь, заговорили разом мальчики. — Засыпало там всё. Но вы не беспокойтесь, — заверили они, увидев огорчённые лица. — Мы ещё поищем. И найдём. Обязательно найдём!

Кто-то тронул Колю за рукав. Он обернулся и увидел Вальку.

— Валька! Вот здорово! Ты как здесь оказалась? — Они отошли в сторонку.

Женщины у стола делили конфеты. Осторожно разрезали их, стараясь не раскрошить.

— Значит, не пошла назад? — деловито переспросил Коля. — Это правильно. Будем их отсюда бить. Помнишь, как в муззводе один курсант пел:

По морям и океанам
Красный вымпел над волной.
Не ходить врагам незванным
По берегам страны родной...

Помолчали.

— Не ходить врагам незванным, — поднимаясь, повторил Коля. — Ну, я пошёл.

— Коль, стой, — задержала его Валя. — Ты моего папу не видел?

Он отрицательно покачал головой и заторопился к выходу.

Новый день начался бомбёжкой. Атаки немцев не утихали.

В подвале стоял глухой гул от рвущихся наверху снарядов. Порой бомбы рвались так близко, что трескались бетонные полы подвалов, а у людей от мощных воздушных ударов из носа и ушей шла кровь.

Кто-то предложил вывесить полотенце с красным крестом. От пехотной фуражки оторвали околышки, скрепили их булавками на куске простыни и выбросили в окно.

Некоторое время было тихо.

— Ну вот, — удовлетворённо промолвил один из раненых, — поняли немцы, что лежачего, значит, не бьют. Последние его слова потонули в грохоте разрывов. Подвал заволокло дымом и пылью. В одном из отсеков рухнула стена, схоронив под собой, кто был там: женщин, детей, раненых бойцов.

Раненых с каждым часом становилось всё больше. В уцелевший отсек несли только тех, кто уже не стоял на ногах. Все, кто мог держать в руках винтовки, оставались наверху.

Валя, помогая взрослым, металась от одного раненого к другому.

— Дядя Володя, — Валя присела возле одного пограничника. — Дядя Володя, вас ранило?

— Ва-Валюха, — он виновато улыбнулся, — задело вот. Плечо и голова его были забинтованы.

— Жжёт очень, — здоровой рукой он показал на голову. — Ох, как жжёт. Валя вынула носовой платок, приложила его к стене. Платок впитал влагу.

Тогда она опустила его раненому на лоб. Платок быстро высох. Валя снова приложила его к стене...

Казалось, пограничник задремал. Но нет, вот он открыл глаза.

— Дядя Володя!

Он взглянул на неё.

— Вы моего папу не видели?

Раненый закрыл глаза и тихо прошептал:

— Не видел, Валюха. Но слышал.

— Что? — подалась к нему девочка. — Что вы слышали?

— Много наших погибло, — пограничник помедлил. — Отец был там...

— Погиб? — Валя отпрянула от раненого.

Теперь ей стало понятно, почему так ласково называл её дочкой Потапов, почему поспешил уйти Коля, услышав её вопрос. Они всё знали... Машинально взяла она платок и вновь приложила к стене. Раненый открыл глаза.

— Валя!..

Девочка не ответила ему. Молча, глотая слёзы, положила на лоб платок, поправила повязку. Потом поднялась и направилась к выходу.

Горячим воздухом обожгло лёгкие. Она закашлялась. Рядом просвистела пуля, выбив из стены сухой фонтанчик пыли. Валя спряталась за выступ. Сильно забило сердце. Рядом, хоронясь за укрытиями, вели бой пограничники. Девочка хотела было перебежать к другому выступу, но чья-то тяжёлая рука опустилась ей на плечо.

— Стой! Куда ты? — рядом стоял Кижеватов.

Голова забинтована.

— Ну куда ты в самое пекло лезешь? Не видишь, что ли?

Он увлёк её за собой внутрь здания.

— Зачем вышла?

— Дядя Андрей, — Валя сдерживала слёзы, — папу... Я... вот... хотела вам помочь.

Лейтенант обнял её, пытаясь как-то утешить, успокоить...

— Ну, дочка, ну! Не надо... плакать... Иди вниз... Раненым и детишкам нужна твоя помощь. Слышишь меня?.. А ты их бросила. Как же так? А?

— Товарищ лейтенант, — окликнули Кижеватова, — боеприпасы кончаются.

— Знаю, — Кижеватов заторопился.

— Ну, иди, — он легонько подтолкнул Валю. — Иди. Помогай!

Валя пробралась обратно в подвал. «До чего же хочется пить». Она слизнула со стены капельку прохладной мутной жижи, но не почувствовала никакого облегчения.

— Вода! — у входа показался боец.

Тяжело дыша, он шёл осторожно, бережно неся в руках котелок.

— Вот держите. — Он поставил его на выступ стены и устало опустился на грудку битого кирпича.

Никто не мог понять, как только он умудрился пробраться к реке?

С первых же часов войны водопровод в крепости вышел из строя.

Колодцев в городе не было.

Оставался один путь — на реку.

Но немцы тщательно охраняли все подступы к реке. В прибрежных кустах они установили пулемёты. Казалось, что и мышь не проскочит. Сколько уже погибло наших. Немногие возвращались. Вот и этот боец остался жив.

Котелок взяли.

— Как будем делить?

— Детям и тяжелораненым по два глотка. Женщинам и раненым по одному, — распорядился боец.

Заплакал малыш, у которого после двух глотков отобрали котелок. За ним другой, третий.

— Катюша, — обращаясь к Екатерине Ивановне, хрипло проговорила одна из женщин. — Я пить не буду. Не хочу. Отдай мой глоток мальцу.

Отказались от воды и раненые.

— Валя, Нюра, девочки, — позвали их. Валя подошла. Глянула на котелок и отвернулась.

— Не хочу я, — еле выдавила она из себя.

Вдруг совсем неожиданно бой стих.

Тишина эта была непривычной и потрясающей.

Откуда-то слышалась песня.

«Показалось», — подумала Валя и потёрла себе лоб. Но песня не пропала. Отчётливо лились знакомые слова.

«Выходила на берег Катюша, на высокий берег, на крутой...»

— Наши! — все бросились обниматься. Не скрывая слёз, плакали бойцы. Прозвевали лица.

— Наши, товарищи, дорогие!

Впервые за последние дни люди улыбаются.

Вдруг песня оборвалась. Раздались какие-то щелчки, и вслед за ним мужской голос произнёс: «Доблестные защитники Брестской крепости, к вам обращается немецкое командование... Всем предлагается сдаться в плен, обещаем сохранить жизнь. На размышление — час».

Все молчали.

В тишину ворвалось чёткое размеренное биение часов.

Часы отстукивали минуты. Иногда бой часов прерывался, и тот же голос напоминал:

— Осталось 40 минут... 25... 10... 3... Одна минута.

Послышался гул самолётов.

— Приготовиться к бою! — командовал Кижеватов. — Женщины и дети — в дальний угол под стены!

На непокорённую крепость снова обрушился шквал огня.

При каждом ударе худенькое тельце Вали вздрагивало, и она прижималась к раненому, словно хотела укрыть его от опасности. Он попытался встать, сжимая в руке винтовку, но не смог.

— Обопритесь, дяденька, — Валя подставила ему своё плечо. — Да не бойтесь, не упаду. Я сильная.

Вдвоём они с трудом добрались до амбразур.

Устроившись поудобнее, боец открыл стрельбу.

— Эх, патронов маловато, — огорчённо проговорил он.

Валя скрылась в подвале. Через несколько минут она вновь появилась у бойницы.

— Возьмите, — протянула она бойцу несколько патронов. — Там собралась, — показала она назад, где лежали тяжело раненные.

— Ах ты санитарочка наша! — прошептал боец, заряжая винтовку. — Ай да помощница.

Когда бой немного притих, откуда-то вынырнул Коля и спустился в подвал. Он отыскал Валью и неловко, словно стесняясь, сунул ей в руку плитку шоколада.

Валя с удивлением разглядывала гостиницу.

— Откуда это?

— Да с немца сняли.

Немного отойдя в сторону так, чтобы не слышала Валя, он сказал:

— Ведь слабенькая. А мы уж как-нибудь обойдёмся. Не привыкать.

Она посмотрела на Колю и как будто увидела его впервые.

Он стоял перед ней повзрослевший, возмужавший...

Она отломала кусочек от плитки и протянула Коле.

— Ну вот ещё, — сказал он в ответ и выскочил из подвала.

Много дней и ночей продолжался неравный бой с немцами.

Оставшимся в живых бойцам не хватало боеприпасов.

Дети и женщины гибли от голода, жажды, от артиллерийского обстрела и бомбёжек...

Жизнь в крепости становилась всё невыносимее.

И вот тогда, чтобы хоть как-то выйти из создавшегося тяжёлого положения, чтобы спасти оставшихся ещё в живых, командование обороны решилось на последний шаг. Оно приказало женщинам забрать ребятишек и сдаться в плен. Как ни ненавистна была даже мысль о плене, всё же с ней приходилось мириться. Другого выхода не было.

Настал день, когда женщины и дети покинули крепость.

Бойцы переправили их на резиновых лодках на другой берег Мухавца, а сами вернулись обратно. Для них бой не кончился.

Вместе со всеми ушла и Валя, маленькая санитарка Брестской крепости.

Много ещё потом пришлось ей пережить.

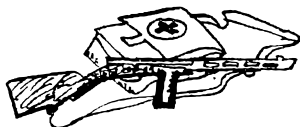
Разные испытания выпадали на её долю.

Но она выдержала.

Выстояла. Ей удалось соединиться с мамой. Они вместе вырвались из фашистского плена и продолжали борьбу с ненавистными оккупантами уже в партизанском отряде.

Советское правительство высоко оценило мужество юной участницы обороны Брестской крепости. Валя Зенкина награждена боевым орденом Красной Звезды.

Ваня АНДРИАНОВ

Ваня проснулся от ощущения тяжёлой, давящей тишины. Весь вечер и всю ночь где-то совсем недалеко за селом Ново-Михайловским, не переставая ни на минуту, гремели выстрелы и взрывы, а на рассвете внезапно стало тихо.

Сквозь ситцевые занавески на окне пробивался свет серой осенней зари. В углу под почерневшей от времени иконой мерцал огонёк лампадки. Перед иконой, беззвучно шевеля губами, стояла бабушка.

«Опять молится. Сколько ни говорил ей, что бога нет, ничего не помогает», — подумал Ваня. Откинув цветастое лоскутное одеяло, он спрыгнул с печки и всунул ноги в старые, обшитые кожей валенки. Подошёл к окну и отдёрнул занавеску. Далеко, до самой реки Протвы, легло поле с почерневшими от дождей плетями картофельной ботвы и измятой полоской неубранной ржи. В стороне чёрной громадой высился лес. Стоял октябрь 1941 года.

Бабушка, наконец, заметила внука. Перестала молиться. Усадила Ваню за стол, пододвинула кружку с молоком, миску с картошкой и луком. Но поесть так и не пришлось: внезапно гнетущую тишину разорвали несколько длинных автоматных очередей.

— Немцы! — всплеснула руками бабушка и поспешила занавесить окно.

Испуганно умолк за печкой сверчок.

Ваня осторожно пробрался снова к окну и в щель между подоконником

и краешком занавески разглядел разбитую танковыми гусеницами и подводами дорогу, по которой медленно ехал кавалерийский отряд. Впереди на сытом вороном коне гарцевал офицер в шлеме и короткой серой шинели. Брюхо коня и шинель фашиста были забрызганы грязью, зато сапоги ослепительно блестели, как будто их только начистили.

Ещё только вчера по этой же самой дороге на телегах провезли за Протву раненых бойцов. А потом, когда уже начало темнеть, по улице села прошли усталые красноармейцы, неся на плечах пулемёты.

— Уходите! Как же вы уходите?! — крикнула им вслед бабушка.

И тогда один, с серым, словно от зубной боли перекошенным лицом, обернувшись, коротко ответил:

— Вернёмся!

«Конечно, наши вернутся, — думал Ваня, — как же может быть иначе?»

Он быстро сунул кусок ржаного клейкого хлеба в карман старенького пальто и тихонько, чтобы не увидела бабушка, шмыгнул на улицу. Сначала решил пробраться к школе.

Фашисты уже хозяйничали повсюду.

Из окон школы они выбросили учебники, вытаскивали парты и тут же, прямо во дворе, рубили их на дрова. В опустевшие классы солдаты заводили лошадей.

Ваня хотел подойти к школе поближе, но долговязый солдат в рогатой каске остановил его:

— Малшик топ-топ школа?— спросил он, медленно выговаривая каждое слово, и вдруг с размаху ударил Ваню кулаком по лицу так, что из носа пошла кровь.

Фашисты вокруг засмеялись. Громче всех гоготал офицер в блестящих лакированных сапогах.

«Смейтесь, смейтесь, — Ваня до боли закусил губу, — всё равно не заплачу».

Делать около школы было нечего, и Ваня, прижимая к разбитому носу платок, отправился на другой конец села. Там, в условленном месте за огородами, он встретился с Сенькой.

Сенька был старше Вани, выше его, но дружили они на равных. От него Ваня узнал, что несколько часов назад фашистские солдаты избили учительницу, которая пыталась не пустить их в школу.

Ребята стояли растерянные, не зная, что же им делать.

В селе с каждым днём становилось всё тревожней.

Как-то в дом к Андриановым прибежала испуганная соседка и, часто оглядываясь на дверь, шёпотом сообщила:

— Колхозное грабят. Разграбят — по домам шастать начнут, — шептала она. — Прячь, Андриановна, еду да вещи, пока не поздно.

В тот же самый вечер Ваня с матерью и бабушкой всё, что можно было, схоронили в сарае.

Вскоре фашисты действительно отправились грабить по домам. Скот и птицу они забрали раньше, теперь требовали у колхозников хлеб, картошку, оставшиеся запасы мяса и яиц. Забирали и тёплую одежду — наступали холода.

Все прибывающие в село отряды размещались в избах колхозников. Появились незваные гости и в доме Андриановых. Целых одиннадцать солдат. И привёл их тот самый офицер в лакированных сапогах. Только теперь он был в заячем треке — шлем, как видно, не спасал его от холода.

— О-о, школьник! — протянул он, у знав Ваню, и приказал ему идти чистить картошку.

Но на кухню Ваня не пошёл. Незаметно прошмыгнув мимо часового, дремавшего на крыльце, он побежал к Сенькиному дому.

— Сюда иди! — позвал из сарая знакомый голос. — Сенька, ты чего здесь делаешь? — удивился Ваня.

— А это видел? — в руке у Сеньки блеснул новенький пистолет. — У немцев стащил?

— Нашёл. В поле, около кургана. Там и пистолеты, и винтовки валяются. Да и патроны к ним подобрать можно. Надо туда пойти и собрать всё, а то фашисты соберут. Я сразу об этом подумал, когда ещё мне Витька Иванов рассказал, как у него солдаты ружьё отобрали. Пришли, значит, в избу, видят — на стене ружьё висит. Один, в очках, как закричит: «Партизан!» Сорвал со стены ружьё, на Витьку наставил. А тому смешно, ружьё-то детское, пробками стреляет. Его из Москвы ещё до войны мать в подарок привезла. Очкарик сослепу, видно, не разобрал, в чём дело, вот и перепугался...

— А давай всё это оружие отнесём в лес партизанам, — предложил Ваня.

— Только, чур, будем действовать осторожно, как настоящие разведчики, — заключил Сенька.

Теперь каждый день, незаметно улизнув из дома, ребята надолго уходили в поле, собирали брошенное оружие, а потом зарывали его на глухой опушке леса.

Но фашисты тоже не дремали. Сбором оружия у них занимались специальные команды.

Выбираться из села в поле стало рискованно.

Тогда у ребят созрел другой план: они решили таскать по ночам оружие у спящих немцев. В каждой избе жило по десять-двенадцать солдат и, когда они спали, унести винтовку, гранаты было не так уж трудно. Тем более, что Ване с Сенькой теперь помогали почти все деревенские мальчишки.

Фашисты обнаруживали пропажу, но поймать никого не могли. И от этого свирепели ещё больше.

В конце кухоньки ударился мелкий камешек. Условный знак! Ваня быстро поднялся с постели и, тихонько отворив дверь, выскочил на улицу.

Сенька был взволнован. Он сбивчиво рассказал, что один из мальчишек чуть было не попался сегодня ночью, хотел автоматный диск стащить, а его, как оказалось, немец к ремню привязал.. Хорошо, что парень сообразил и успел убежать из дома, а то фашист в два счёта пристрелил бы его.

— А у нас немцы нынче тоже привязанные спать легли, — хмуро сказал Ваня.

— Видно, команда им такая вышла...

— Поздно спохватились, — ухмыльнулся Сенька, — мы столько оружия набрали, что на целый отряд теперь хватит. Вот только не слышно ничего про партизан.

О партизанах действительно пока не было слышно.

Но партизанский отряд в Боровском районе Калужской области уже существовал, и его командир Николай Иванович Рачков, бывший председатель райисполкома, и комиссар Игорь Константинович Подольский, секретарь райкома партии, готовились к решительным действиям против врага.

В эти ноябрьские дни фашисты рвались к Москве.

Немецкие агитаторы, полицаи ходили по селу и повторяли рассказы о том, что ноября Гитлер непременно въедет в Москву на белом коне.

Почерневшие от горя и слёз беженцы-погорельцы приносили в село страшные вести: неподалёку от Ново-Михайловского в деревне Ивановское Савьяновского сельсовета гитлеровцы согнали в свинарник триста колхозников и военнопленных,

облили постройку бензином, а потом подожгли. Сгорела и вся деревня.

Седьмого ноября 1941 года Ваня и Семён достали из дупла старой ветлы свои пионерские галстуки и поклялись мстить врагу.

— Не появятся партизаны, сами в лес уйдём и воевать будем, — сказал тогда Сенька.

— Верно говоришь! — поддержал его Ваня.

Но партизаны появились. Это стало заметно по тому, как забеспокоились фашисты: несколько дней подряд они рыскали по домам, кого-то искали.

Скоро новые слухи поползли по селу. Говорили, что в канун 24-й годовщины Октября на железной дороге между станциями Ворсино и Башкино партизаны подорвали большой эшелон с боеприпасами.

На стене дома, где раньше помещался сельсовет, появился приказ коменданта Боровска Савина, капитана фашистской армии, сына бывшего помещика села Серединское. В приказе говорилось, что за

связь с партизанами, за хранение оружия виновные будут приговорены к расстрелу. Запрещалось хождение из одного села в другое без особого разрешения немецких властей».

— Ишь ты,— усмехнулся Сенька, прочитав приказ,— запугать хотят. Ну, ничего. Нас-то не расстреляют. Мы всё равно убежим.

На следующий день Сенька вызвал Ваню на улицу. По его виду Ваня сразу понял, что произошло что-то необычное.

— Появились,— прошептал таинственно Сенька, настороженно озираясь по сторонам.

— Кто появился? — не понял Ваня.

— Они появились, партизаны. Сам видел. Даже говорил с одним. Принеси, говорит, картошки, а если найдёшь, и хлеба. Всё это в условленное место положить велел.

— Значит, продукты собирать надо?

— Конечно, надо. Может, они там в лесу с голоду умирают. Началась настоящая боевая жизнь! Выйдут ребята на

крутой берег Протвы, вроде бы на лыжах покататься, а сами — в лес. Смотрят — нет в тайнике продуктов, взяли их партизаны, значит, новые надо готовить.

Как ни ждал Ваня встречи с партизанами, произошла она совсем неожиданно.

Однажды, как обычно, принесли ребята продукты. И вдруг из-за дерева вышел крестьянин. Самый обыкновенный. Ребята даже испугались от неожиданности, думали — полицейай, бежать хотели.

— Михайловские? — спросил незнакомец. — Михайловские,— ответил Сенька.

— Спасибо вам, ребята, за харчи. Выручили. Как-нибудь в гости позовём.

— Когда? — обрадовался Ваня.

— Сейчас, брат, война, а не мирное время. Это в мирное время говорят когда да где. А на войне, где придётся встретиться, там и милости просим,— партизан хитро подмигнул ребятам, пожал руки и уверенно прибавил: — В гостях у нас будете скоро, помяните моё слово! А пока помогайте, как помогали...

Через несколько дней встреча повторилась. Теперь партизан было трое. А среди них уже знакомый ребятам крестьянин. Поздоровались с Ваней и Сенькой за руку, как со взрослыми, и повели их в глубь леса.

Снег лежал ещё неглубокий, идти по лесу было легко. Пушистые снежные комья падали с вековых елей на плечи, холод забирался за воротник телогрейки, но Ване было весело. Он, наверное, запел, если б можно было...

Сенька шёл рядом, сосредоточенно и деловито поскрипывая лыжными палками, но и у него в глазах прыгали весёлые чёртики.

— Здорово! — шепнул Ваня товарищу.

— Ещё бы,— ответил тот и ещё быстрее заскользил по лыжне.

К партизанскому лагерю вышли неожиданно. Миновали чашу, овраг, мег-

ко-лесье и вдруг попали на большую, окружённую со всех сторон могучими соснами поляну. С краю на ней был виден вход в тщательно замаскированный блиндаж. Около него — несколько партизан.

Ребят сразу же окружили. Стали спрашивать о жизни в Ново-Михайловском, о том, как ведут себя немцы, прибывает ли к ним пополнение.

Ребята отвечали охотно.

— А мы ведь не только продукты вам собирали, но и оружие. Хотите, место покажем, где оно спрятано?

— Спасибо, хлопцы. Нам пока своего хватит, а нужно будет — обязательно к вам обратимся. А теперь слушайте внимательно. Ходить в лес вам пока не следует. Давайте договоримся так. Знаете старую, разбитую молнией ветлу у самой развилки дорог?

— Знаем, — сказал Ваня, — это же совсем рядом с нашим домом.

— Ну, вот и хорошо. Вы кладите в дупло записки, а наши связные будут их переправлять в отряд. Только смотрите, чтобы никто вас не выследил, а то и себя погубите, и наших людей.

— Знаем, — обиделся Сенька, — не маленькие.

— Пишите обо всём, что в селе происходит. Появились новые солдаты или полицаи — дайте нам весточку. Пришли машины — сосчитайте, сколько их, постарайтесь узнать, зачем приехали и куда направляются.

— А про то, что строят, тоже вам сообщать нужно? — спросил Ваня.

— Строят? — переспросил партизан. — Что же они там строят?

— Да вроде окопы долбят, а потом брёвнами закладывают. — За этим особенно следите.

Но недолго ходили ребята к дуплу старой ветлы. Через полторы недели они обнаружили, что «почту» никто не вынимает. Прошёл день, другой, третий... Всё оставалось по-старому. Ваня несколько

раз бегал в лес, надеясь там встретить кого-нибудь из партизан, но всё напрасно. Было ясно — отряд ушёл из их леса.

Случайно подслушав разговор полицейских, ребята узнали, что бывший работник лесхоза Лысенко выдал фашистам место стоянки партизанского отряда. Но партизаны вовремя узнали о предательстве и сменили свою базу.

Выходить на улицу стало опасно. Фашисты хватили всех подряд, особенно молодёжь, и угоняли в Германию. Сельчане прятались по землянкам да по погребам.

Но опасность не страшила ребят. Они думали лишь об одном: «Как связаться с партизанами? Как сообщить им о том, что удалось узнать за последние дни?»

Фронт накатывался всё ближе и ближе.

По ночам на самом краю неба стали видны кровавые сполохи.

Всё отчётливее слышался гул дальнотбойных орудий.

А однажды Ваня увидел самолёты. Они летели высоко-высоко, но с земли всё-таки были видны звёзды на крыльях.

«Ну, теперь наши скоро придут», — подумал с радостью Ваня...

Как-то утром в дом Андриановых явился тот самый офицер, который осенью щеголял в лакированных сапогах.

Теперь на нём вместо сапог были большие, не по размеру, валенки.

«Стянул с кого-нибудь, — нахмурился Ваня, — ну, подожди, за всё рассчитаемся».

— Твой дом — край, ты нитшего не ест знай, — сказал офицер Ваниной матери и, глубже спрятав голову в воротник шинели, направился к сараям. По его команде солдаты начали выпиливать в стене сарая маленькие окошечки и устанавливать в них пулемёты. Ваня внимательно следил за работой. Вот установили пять, шесть, семь... Когда работа была закончена, Ваня насчитал целых четырнадцать пулемётов.

«Что же задумали фашисты? Зачем установили они здесь четырнадцать пулемётов? Твой дом — край — сказал немец. Выходит, наши будут наступать со стороны Протвы, и фашисты готовятся встретить наших пулемётным огнём». Ване стало страшно от этой мысли.

До самой темноты он, прячась в огородах, наблюдал, как фашисты укрепляли берег реки — прорывали глубокие траншеи, закладывали в проходах мины.

На следующий день работы возобновились.

Ваня и Сенька продолжали наблюдать.

У соседнего дома тоже установили пулемёты и даже одну пушку.

Около разрушенной церкви в землю вкопали танк. На огородах поставили четыре миномёта, прикрыв их маскировочными сетями.

Всё постарались запомнить ребята. Но кому нужны теперь эти сведения, если связи с партизанами нет, а к своим не проберёшься: кругом часовые, засады.

«Что же делать?»

До позднего вечера Ваня со своим другом сидели на крыльце, не зная, что предпринять.

— Может быть, утром высмотрим, где к нашим перебежать лучше? — предложил Ваня.

— Я уже пробовал. Никак не провёшься. Чуть что, сразу стреляют. Ночь прошла тревожно. Тяжёлые мысли не давали покоя. «Неужели не пустят фашисты наших в село, неужели положат всех на косогоре у самого их дома? Нет. Надо предупредить своих о засаде. Но как?»

Наступило 28 декабря 1941 года.

Не знали ребята, что именно в этот день бойцы 12 стрелкового полка получили приказ переправиться по льду через Протву и выбить фашистов из села Ново-Михайловского.

— Выходим к Михайловскому, — предупредил бойцов командир разведки и прибавил шаг.

Отсюда, с опушки леса, он увидел и узнал село, которое оставлял два месяца назад.

Впереди лежало заминированное поле, а дальше, на возвышенности, отчётливо виднелись крыши крайних домов.

Командир остановился, поднёс к глазам бинокль: движения в селе заметно не было.

«Может, удрали гады? Надо проверить...» И, увлекая за собой бойцов, он стремительно бросился с холма по узкой полоске земли, которую этой ночью для них, разведчиков, разминировали сапёры.

Вот и крайний дом села. Вспомнилась старушка, кричащая вслед отступающим солдатам, мальчонка, по-взрослому строго провожающий их взглядом. «Обещал вернуться — вот и вернулся», — подумал командир.

И вдруг, вздымая фонтанчики снега, впереди ударили пулемёты. Они били как раз из той крайней избы.

Один за другим падали на снег на смерть сражённые разведчики.

Упал и командир, не добежал до дома всего несколько метров. Ваня смотрел в окно. Крепко, до боли, сжимали руки холодный подоконник, по лицу струились слёзы.

Решение пришло мгновенно. Натянув на ходу телогрейку, мальчик рывком распахнул дверь и стремглав бросился вниз, под гору, к чернеющему за рекой лесу.

По глубокому снегу бежать тяжело. Ноги по колени увязают в сугробах. Хорошо, что ещё под гору бежать приходится. Но что это? Сзади затрещали очереди. Сначала начал бить один пулемёт, к нему присоединился второй, затем третий.

«Фью-ю! Фью-ю!» — свистел в ушах ветер. А может быть, это и не ветер вовсе? Может быть, это свистят пули? Звонят вокруг, как шмели, задеть стараются.

Упал Ваня, в снег зарылся. Передохнул немного, лизнул снег, чтобы не так пить хотелось. А лес вот он, ещё немного осталось. А там наши, свои! Обидно будет, если убьют. Мальчик прислушался.

Стрельба постепенно утихла. «Немцы, наверное, решили, что я убит», — подумал Ваня, и страх прошёл.

Ваня вскочил, кинулся к обрыву, скатился вниз к берегу Протвы. Его подхватили наши солдаты, а он вырывался и кричал:

— Не ходите туда! Не ходите! Там орудия, миномёты, много пулемётов...

— Не спеши, — оборвал Ваню командир.

— Говори толком, что знаешь. Да смотри, брат, не сочиняй. У нас не военная игра — война...

— Понимаю. Потому и бежал. Засаду немцы возле нашего дома устроили. Не пройдёте там. Всех убьют, как тех разведчиков.

— Другой путь знаешь, чтобы неожиданно в село нагрянуть?..

— Знаю. Только сейчас не пройти.

Нужно ночью.

— Что же, подождём ночи, — сказал капитан. — Как зовут-то тебя?

— Ваней Андриановым.

— Ну вот что, Ваня. Пойдём-ка в землянку, обогреемся. Там и о ночном походе поговорим.

Как только стемнело, Ваня провёл бойцов в обход немецких укреплений, через овраги, огородами.

Разом по огненным точкам врага ударили автоматчики, забросали фашистов гранатами. Гитлеровцы не ожидали удара с тыла. Не успели опомниться, как были окружены.

Когда бойцы прочесали село и взяли оставшихся немцев в плен, из своих убежищ вышли колхозники.

Ваня бросился домой: узнать, живы ли мама, бабушка. Смотрит — на огороде убитый офицер валяется, а из ранца у него лакированный сапог торчит. «Что, отвоевался? — сказал про себя Ваня. — И Гитлер так же отвоюется. Не бывать ему в Москве...»

А потом все жители села собрались у школы.

Построились и бойцы.

Встал перед строем командир, подзвал к себе Ваню и сказал громко, чтобы все слышали:

— Вот, кто ускорил нашу победу, товарищи. Если бы не этот мальчик, много бы наших бойцов полегло в этом бою.

Тут Ваня осмелился и выпалил:

— Не я один старался. Вон Сенька, мой дружок, и остальные ребята. Мы всё время нашим помогали, партизанам...

Через несколько дней вызвали Ваню в штаб армии к генералу Ефремову. Командующий вручил Ване Андрианову орден Красной Звезды.

— Рости смелым и храбрым, — сказал генерал Ефремов. — А теперь пойдём сфотографируемся на память.

Вместе с бойцами на Запад ушёл и Ваня.

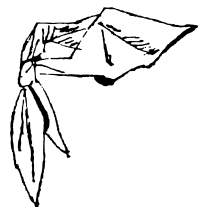
Много военных дорог прошёл пионер с 12-м стрелковым полком, помогая освободить свою Родину от немецких захватчиков.

После войны Ваня окончил Военно-Морское училище, потом служил в авиачастях Черноморского флота, работал электриком-испытателем на одном из заводов в Москве.

Теперь Иван Фёдорович Андрианов живёт в городе Егорьевске.

Имя юного героя навечно занесено в Книгу почёта Московской областной пионерской организации имени В. И. Ленина.

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

ПИОНЕРЫ-ГЕРОИ (альбом-выставка)

Выпуск II

Людмила Николаевна Козлова

Василий Александрович Хорсун

Аэлита Михайловна Гребенина

Юрий Николаевич Нечаев

НАДЯ БОГДАНОВА

ЛИДА ВАШКЕВИЧ

ВАЛЯ ЗЕНКИНА

ВАНЯ АНДРИАНОВ

Рисунки худ. В. Л. Гальдяева

Обложка худ. В. П. Маркина

Редактор О. С. Лебедев

Художественный редактор Г. Г. Коптелова

Технический редактор Е. В. Соколова

Корректоры С. С. Бланкштейн, Н. С. Пьянкова, Н. А. Шадрина

Сдано в производство 23.2.73 г. Подписано к печати 5.7.74 г.

Бумага офис. № 160×90 1/8. Печ. л. 4. Уч. — изд. л. 2,42

Тираж 100 000. Заказ № 19. Изд. № 636. Л 57971

По оригиналам издательства «МАЛЫШ»

Государственного комитета Совета Министров РСФСР

по делам издательств, полиграфии и книжной торговли

Московский комбинат игрушек

**Российского государственного промышленного хозрасчетного
объединения по производству игрушек «Росигрушка»**

Министерства легкой промышленности РСФСР

Москва, А-130, ул. Клары Цеткин, дом 28